

Эльдар РЯЗАНОВ:

МОСК. ПРАВДА - 2005 - 22 АПРЕЛЯ - С. 13

Цензура в искусстве называется совестью

«Каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню...» Эта фраза из фильма Эльдара Рязанова прочно вошла в наш обиход. Киноклассика XX века не мыслится без фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», этой «совершенно нетипичной истории, которая могла произойти только и исключительно в новогоднюю ночь». О том, как в это «типовое время» у Эльдара Рязанова и его соавтора Эмиля Брагинского рождались нетиповые сценарии, корреспондент «МП» беседует с режиссером.

- Наши сценарии рождались по-разному, - говорит Эльдар Александрович Рязанов. - Например, «Ирония судьбы» родилась просто из комической истории, которую мы случайно услышали. Пьяный товарищ зашел к друзьям, которые праздновали день рождения. Он быстро наклю-

ты, которые «мусолились» по девять месяцев.

- Интересно, «из какого сора» вырос сценарий картины «Берегись автомобиля»!

- Он вырос из легенды. Кто-то говорил, что эта история случилась в Одессе, кто-то утверждал, что в Питере. И как семь городов Греции спорили, где родился Гомер, так семь городов России спорили, где произошла эта история. Известно было только то, что какой-то человек якобы воровал машины у людей, живущих на нетрудовые доходы, продавал их и перечислял деньги в детские дома. Мы с Эмилем Вениаминовичем кинулись, естественно, искать истоки в материалах газет, в судах, в прокуратурах. Потому что зачем сочинять то, что жизнь уже родила? Но выяснилось, что такого дела нет и никогда не было. И мы поняли, что это - народная легенда, которая выдает желаемое за действительное. После чего начали сочинять пародийную повесть.

- Ну и каково было снимать детективные истории в то время!

- Это были злоключения, о которых сейчас даже страшно рассказывать. Комедийную повесть мы представили Юрию Никулину, он должен был играть Деточкина. И, можно сказать, почти «запустились». Никулин даже научился водить машину, и я снял кинопробу. Роль, которую в фильме потом сыграл Олег Ефремов, должен был играть изначально Юрий Яковлев. Но в это время грянул гром: Юрий Никулин работал в цирке, это была его главная служба, и пришла весть, что его отправляют на полугодовые гастроли то ли в Аргентину, то ли в Бразилию.

Я побежал к новому руководителю «Госкино» (им в этот период был назначен некто Алексей Романов) с просьбой, чтобы Романов освободил Никулина от цирковой работы и отдал его нам. Романов захотел ознакомиться со сценарием. Я прислал ему сценарий. Но через два дня Романов сказал, что мы вообще не можем ставить подобную картину: «Вы что, не понимаете, что после вашего фильма граждане начнут угощать друг у друга персональные автомобили? Кино обладает большим заразительным примером!» Картину закрыли.

Но нам с Брагинским стало жалко терять этот сюжет, и мы решили написать повесть. Больше 4 месяцев мы ее писали, затем напечатали. И в результате через три года фильм снова запустили в производство.

Только мы собрались снимать, как Никулина отправили с цирком в Японию. И мы поняли, что приглашать надо Смоктуновского. Смоктуновский не мог приехать, потому что он играл роль Ленина сразу в двух лентах - «Первый посетитель» и «На одной планете». И тогда мы поехали к нему с небольшой съемочной группой, чтобы снять кинопробу. Я очень верил в Смоктуновского, потому что мне казалось, что он способен на безумства. Не случайно, когда персонаж Олега Ефремова его спрашивает: «А вы, часом, не псих?», он радостно отвечает: «Нет! У меня и справка есть!» Все вроде заладилось, но тут приходит телеграмма: «Серьезно заболел. Отложите, пожалуйста, до другого случая. Смоктуновский». Мы узнаем, что у него что-то с глазами. (Эта болезнь потом закончилась туберкулезом глаз.)

Ну, начали пробовать других... Ефремов очень старался быть мягким, добрым. Но железный руководитель «Современника» и будущий режиссер МХАТа «пер из всех щелей». И однажды наш художник сказал то, о чем мы все думали: «Ребята, это же волк в овечьей шкуре!» Тогда мы пригласили Леонида Быкова. Это был мститель с Крещатика, который москалей в упор ненавидел. Позвали Куравлева - этот оказался мстителем с Красной Пресни.

Короче, нам никто не подходил.

И тогда я поехал к больному Смоктуновскому на дачу, начал его искушать и мучить. И в конечном счете заставил написать расписку, что он приедет на съемки. Можно обо мне судить как угодно: я ведь заставил работать очень больного человека. Но, во-первых, я тогда этого не знал. А во-вторых, не было бы без него этой картины, которая является сегодня украшением и в обиходе актерских работ Смоктуновского.

В итоге на экраны появился тот фильм, который вы все хорошо знаете.

- Редко чьи фильмы телевидение показывает с таким завидным постоянством, как ваши. Особенно в праздники и под Новый год. Но почему-то оно игнорирует ваши замечательные программы. Например, о Владимире Высоцком. Чем вы это объясняете? И как вы вообще относитесь к современному телевидению?

- Я искренне не понимаю, почему программу о Высоцком не повторяют. Вообще у меня к телевидению сложное отношение. Я его ненавижу. Но, с другой стороны, я его очень люблю. Благодаря телевидению мои картины все время показываются, ко мне подходят молодые люди, которые не могли их видеть тогда, когда они впервые вышли на экраны. С этой стороны я ТВ очень благодарен. Под Новый год вообще наступает психоз - по 9 - 12 моих картин идут сразу по всем каналам.

Но одновременно я не могу не оценивать тот факт, что телевидение делает отдельные «оригинальные» программы, которых много, и я не буду их называть, но это на самом деле является не чем иным, как абсолютным зомбированием нации. То, что демонстрируется на экране в последнее время, возмутительно до безобразия! В итоге я стал смотреть только новости.

У нас появилась свобода как вседозволенность и ненаказуемость. Я против цензуры, я не хочу, чтобы она была ни в коем случае! Но я думаю, что у каждого человека, который разговаривает с народом, должна быть своя внутренняя цензура. И это называется вообще-то «совестью».

Елена КУРБАНОВА.

кался. А в компании нашелся шутник, который предложил отвезти пьяного в стельку друга на Киевский вокзал, снабдив его портфелем, в котором, не помню уже почему, были только веник и грязное белье. Мужика погрузили в общий вагон поезда на третью полку, где обычно лежат вещи, сунули десятку проводнице, чтобы она закрыла глаза на это «безобразие», и бедняга проснулся, лишь когда поезд подходил к Киеву.

Я могу сказать, что мы с Брагинским «накатали» эту пьесу за двенадцать дней (!), настолько она нам нравилась. В таком темпе мы не работали никогда!

А вот пьесу «Служивцы», по которой потом был снят «Служебный роман», мы написали за 22 дня.

Но не всегда просто: были сюже-